

УДК 159.9

Р.В. Борисов, Н.Ш. Акаева

Исламская идентичность в Дагестане: реалии и перспективы¹

Дагестанский государственный университет; borisovr@list.ru, a_naida@inbox.ru

В статье устанавливается, что ислам сегодня является одним из важнейших факторов бытия дагестанского общества, исламская идентичность формируется достаточно активно, и нет оснований ожидать ослабления влияния ислама на все стороны жизни дагестанцев. В ней делается вывод, что угрозы могут исходить от деформированной исламской идентичности, нормальная (недеформированная) исламская идентичность не несёт в перспективе никаких угроз обществу. В статье также даны некоторые результаты эмпирического исследования исламской идентичности, проведенного в 2014 году среди студенческой молодежи Дагестана.

Ключевые слова: *ислам, идентичность, личность, власть, общество.*

Islam today is one of the most important factors of Daghestan society's being and there are no matters to expect it will weaken its influence on any aspect of Daghestan people's life, Islamic identity is being formed rapidly enough – stated in the article. It is possible to make a conclusion that threats can come from deformed Islamic identity while normal – non-deformed – Islamic identity won't cause any kinds of threats for the society in perspectives. Some results of empirical investigation of Islamic identity have also been given in the article. The investigation took place in 2014 within Daghestan students.

Keywords: *Islam, identity, power, personality, society.*

В современной науке бытует мнение, что на смену этнической идентичности приходит религиозная идентичность, что обусловлено «возвращением» религии в общество с уходом идеологии СССР. Религия включается в глобальный порядок не столько как некий институт, сколько как форма коллективной или индивидуальной идентичности [15].

Аккумулируя в себе духовную, конфессиональную, социокультурную и политико-институциональные составляющие, религиозная идентичность создает пространство для развития диалога между группами и сообществами, чьи этноконфессиональные ориентации «как лучи, преломившиеся в линзе, не сходятся в одной точке». Религия в России играет важную роль, прежде всего у мусульманских этносов [4, с. 105–116].

Однако политическое значение ислама эксплицируется не столько в религиозном узком смысле, сколько как определяющий культурный фактор. Соответствующие подтверждения можно обнаружить в регионах России с преобладанием в структуре населения носителей мусульманской идентичности – прежде всего на примерах Северного Кавказа и Урало-Поволжья, где в конце 1980-х – начале 1990-х гг. религиозная (исламская) идентичность оказалась настолько политически значимой, что на волне демократических изменений быстро трансформировалась в одну из форм детерминации политической субъектности. Во многом это стало возможным в условиях идеологического вакуума, вызванного, с одной стороны, уходом коммунистической идеологии, а с другой – упадком традиционного ислама [10]. Именно в этот период «на смену догм и ритуальности коммунистической «религии» приходит исламский дискурс» [5, с. 76].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Госзадания № 2014/33 Минобрнауки России в сфере научной деятельности

В большинстве мусульманских республик Северного Кавказа новое фундаменталистское прочтение ислама оказало существенное воздействие на конфигурацию и содержание идентификационной матрицы человека, которая всегда, «будучи динамической структурой, открыта для новых самоидентификаций» [7, с. 196].

По мнению Х.В. Дзуцева, проводившего в 2006 г. этносоциологические исследования в 7 республиках СКФО, цель идеологов исламского фундаментализма, развитие которого оказалось возможным в результате социально-экономической и политической нестабильности в регионе, заключается в том, чтобы учение ислама стало господствующим во всех сферах общественно-политической жизни населения республик СКФО РФ [2, с. 126].

Радикальная политизация смыслов идентификации личности способна разрушить прежние консолидации общностей, ядром которой выступала культурно-ценностная матрица, веками обеспечивавшая развитие устойчивой социальной группировки людей. В этой связи следует сказать, что действия религиозного фундаментализма любого толка, будь то исламского, христианского, иудейского и т. д., носят универсалистский характер. И когда Ю. Хабермас пишет, что «фундаменталистский настрой несовместим с ментальностью, которую должно разделять достаточно много граждан, чтобы демократическая общность не развалилась», он рассуждает обо всех «религиозных гражданах либерального государства» [12, с. 9].

В России противостояние между традиционным исламом и исламистами стало повсеместным. Помимо Северного Кавказа, где оно принимает самые крайние, вплоть до вооруженных столкновений формы, оно отмечается в Татарстане, Башкирии, Астраханской, Волгоградской и некоторых других областях [6, с. 31].

В этой связи А. Капеллер отмечает, что политические интересы могут оказаться важнее конфессионального единства, о чем свидетельствуют конфликты между мусульманами-башкирами и поволжскими татарами. Общая исламская религия также не смогла преодолеть националистические интересы этносов Дагестана [3, с. 10–22].

Согласно исследованиям, проведенным в 2009 г. социологической группой Северо-Кавказской академии государственной службы (СКАГС), опросившей около 1500 респондентов из 12 субъектов ЮФО, общая фоновая идентификационная нагруженность религиозного фактора как в русскоязычных субъектах ЮФО, так и в национальных республиках пока не превышает 10 %. Существенно выше ее значение в Республике Дагестан (18,8 %) и Республике Ингушетия (14,2 %). Но и здесь религиозный фактор не выступает пока в качестве самого приоритетного [8, с. 6–17].

Впрочем, проблема соперничающих этнической и религиозной идентичностей на Северном Кавказе, где с разной степенью интенсивности проводятся соответствующие исследования, еще не в полной мере отрефлексирована научным сообществом. Несмотря на то, что в регионе разработано несколько конструктов, позволяющих проводить исследования различных типов или уровней групповых идентичностей на полипарадигмальной основе, о чем сообщает В.В. Черноус, полноценный мониторинг трансформации социальных идентичностей у народов Северного Кавказа так и не сложился. Вследствие отсутствия соответствующих репрезентативных и релевантных исследований многие представления, в т. ч. на экспертном, аналитическом и научном уровнях о динамике и дифференциации идентификационных процессов у народов Северного Кавказа и субъектах РФ на территории ЮФО в известной степени являются умозрительными [13, с. 96]. Хотя исламский ренессанс смог заполнить идеологический вакуум для миллионов людей, искавших ценностную опору и социально-политические ориентиры в сложную эпоху перемен [9, с. 104–114].

Проблемы конструирования коллективных идентичностей в таком сложном организме, каким является полиэтничная и многоконфессиональная страна – Российская Федерация, несомненно, в ближайшие годы будут сохранять свою особенную актуальность. Думается, что усиление ислама, заметное во всех субъектах Северного Кавказа, в частности в Дагестане, во многом обусловлено внешним влиянием: открытость внешнему мусульманскому миру, распространение религиозной литературы, организация хаджа, возможность восприятия новых элементов обрядности, появление различного рода миссионеров. М.Я. Яхьяев утверждает, что усиление ислама, религиозность населения связаны с идеологическим вакуумом внутри дагестанского общества. Продолжая рассуждения, автор говорит, что «религиозность дагестанцев – это, скорее, дань моде, а не стремление перестроить образ жизни по исламским канонам и меркам» [14, с. 4]. В любом случае на общественном уровне исламизация общества выражается во все более очевидной популярности религиозной обрядности: увеличении числа исламских свадеб, праздновании исламских праздников, ношении хиджабов и т. п.

Немаловажную роль играет исламский бизнес, который в новых экономических условиях нашел свою нишу. Производство исламской одежды, магазины исламской одежды, предметов культа, внедрение исламской моды находят много потребителей, в том числе и в среде молодежи, не отличающейся религиозностью, но готовой следовать традиционным образцам, тем более если это поощряется в обществе. Все большее распространение получают хиджабы как всем заметные маркеры принадлежности к исламу.

Важнейшим элементом повышения общественного внимания к религиозному стало исламское образование. В Дагестане на протяжении последнего десятилетия можно наблюдать, как население весьма неразборчиво относилось к хлынувшему потоку литературы, среди которой было немало сочинений радикалов, к получению грантов на образование. Часто страны, где культивируется радикальный ислам, предоставляли возможность молодым дагестанцам получить бесплатное духовное образование. Потом они приехали, получив дипломы, в Дагестан и стали проповедовать в соответствующем полученному образованию духе. Неудивительно, что власти крайне настороженно относятся к такого рода волонтерам.

На бытовом уровне процессы реисламизации выглядят еще более заметно. В комплексе они могут даже привести к выводу, что в Дагестане в перспективе будет расширено влияние политического ислама, появятся новые формы его взаимодействия со светской властью. Опросы общественного мнения показывают, что все больше молодых людей особенно в селах Дагестана идентифицируют себя как мусульмане, а уже потом как граждане России [11, с. 265–267].

Происходят изменения и на языковом уровне. Так, в Дагестане священный для мусульман месяц издавна называли Рамазан, но в последние годы стало укореняться название Рамадан, что, наверно, можно объяснить «модными» веяниями арабского Востока, где данный месяц в латинской транслитерации пишут Ramadan. Кроме того, в период данного месяца на рекламных щитах в республике стали часто мелькать фразы Ramadan Mubarak или Ramadan Kareem, которые в общем смысле означают поздравления с наступлением священного месяца. Эти фразы также совсем недавно пришли в Дагестан с арабского Востока, в первую очередь из ОАЭ, Катара и Саудовской Аравии. Сложно сказать, хорошо это или плохо, но традиционный ислам, который издавна исповедовали в Дагестане, в последнее время вбирает в себя всё больше нововведений, привходящих в республику из мусульманских стран.

В сознании дагестанцев исламская идентичность тесно связана с этнической. «Религиозная идентичность сейчас во многом обретает черты культурной идентичности»,

– отмечает В.И. Гараджа [1, с. 45]. Религия в дагестанском обществе становится значимым компонентом культуры, актуализируется в процессе самоопределения. Для многих дагестанцев религиозная идентичность принадлежит к самым значимым социальным компонентам. В данном случае специфика заключается в том, что представитель любого дагестанского народа изначально воспринимается как мусульманин независимо от уровня его религиозности. Если для европейских стран вопрос о вере является сугубо личным (стремление распространять свои убеждения на общество в целом отсутствует), то для Дагестана религиозное возрождение имеет далеко идущие последствия. Проблема веры переносится из области частной жизни в общественную, и данный фактор, особенно в периоды опасности, выявляет свой неоднозначный, двусмысленный потенциал: либо интегрирующий, либо дезинтегрирующий. Вместе с тем необходимо учесть, что характерный для современного дагестанского общества глубокий внутривнутрирелигиозный конфликт отрицательно сказывается на религиозной и на этнической идентичности, разрушает внутриэтнические и внутривнутрирелигиозные связи, что и в данном случае имеет не объединяющий, а разъединяющий потенциал. В данном контексте интересна точка зрения М.Я. Яхьяева: «Ислам несет в себе и интегративно-конструктивные, и деструктивно-дезинтеграционные потенции. Все зависит от социальной среды, исторической обстановки или социальной почвы, от политики власти и духовенства, от их взаимодействия, а также от политики центральной власти и отношений ее с местной властью» [14, с. 13].

Значимость ислама в обеспечении стабильности региона в современных условиях повышается. В отличие от начала и середины 1990-х годов в последнее десятилетие включение религиозного фактора в этнополитические процессы региона идет все активнее. Это позволяет говорить о формировании устойчивой исламской идентичности и о том, что религиозный фактор будет постепенно замещать этнический в определении вектора регионального развития.

С целью выявления типов исламской идентичности у молодежи Дагестана нами было предпринято социально-психологическое исследование. Так, следуя нашей научной позиции, что любая идентичность, в т. ч. религиозная (в данном случае исламская), может быть как нормальной, так и деформированной (гиперпозитивной или негативной – исламский фанатизм, исламский нарциссизм и т. д.), нами было проведено исследование по методике «Типы религиозной (исламской) идентичности» (автор Р.В. Борисов).

На данном этапе исследования респондентам была предложена методика, состоящая из 20 утверждений (по 5 утверждений на каждый тип религиозной идентичности), и было необходимо выразить степень своего согласия с утверждениями от «согласен» до «не согласен». В зависимости от степени согласия с утверждениями по каждой из шкал респондент получал соответствующее количество баллов. После чего все баллы по каждой шкале суммировались, и выявлялся доминирующий тип религиозной (исламской) идентичности. В данном исследовании приняли участие 150 человек в возрасте от 20 до 25 лет, были изучены особенности религиозной идентичности пяти самых многочисленных этносов Дагестана – аварцы, даргинцы, лакцы, кумыки и лезгины.

В использованной методике нами были выделены следующие шкалы:

Гиперпозитивная религиозная идентичность – религиозный нарциссизм, граничащий с религиозным фанатизмом, т. е. идентичность, при которой имеет место исключительное доминирование интересов религии, нередко иррационально понимаемых, готовность идти во имя них на любые жертвы и действия, приписывание религии исключительного, особого места в истории и в современном мире.

Позитивная (нормальная) религиозная идентичность – идентичность, при которой личность имеет чувство психологического комфорта, чувство удовлетворения от осознания себя исповедующей данную религию. При таком типе религиозной идентичности можно говорить о наличии религиозной толерантности.

Негативная религиозная идентичность – идентичность, имеющая место в случае, когда возникает осознание низкого статуса своей религии, признание её неполноценности перед другими, ощущение психологического дискомфорта из-за своей религиозной принадлежности. Отсюда же избегание демонстрации своей религиозной принадлежности.

Атеизм – полное отрицание Бога и всего религиозного и божественного.

В ходе обработки опросных листов мы получили следующие результаты. Гиперпозитивная религиозная идентичность выявлена у 33,8 % респондентов. Это те люди, которые утверждают, что в своей жизни, в поступках и поведении в первую очередь следуют законам ислама, нежели государственным законам Российской Федерации, или же считают, что мусульмане гораздо аккуратнее и культурнее, чем представители других религий, плюс ко всему респонденты этой группы предпочли бы, чтобы в Дагестане жили только мусульмане.

Позитивная (нормальная) религиозная идентичность была присуща 70,4 % опрошенных. Здесь респонденты отвечают, что если бы в Махачкале начали строить новую большую церковь в центре города, они бы отнеслись к этому нормально и спокойно, или же полагают, что мусульмане такие же люди, как и все, – ничем не лучше и не хуже.

Негативная религиозная идентичность не была выявлена у участвовавших в исследовании студентов. Атеизм выявлен у 1,4 % опрошенных нами студентов. Такие люди полагают, что Бога не существует, это придумано людьми, или же прямо утверждают, что не верят в Бога.

Результаты данного этапа исследования выявляют три основные проблемы, три основных направления работы. Во-первых, почти 34 % студентов, у которых выявляется религиозный нарциссизм, граничащий с религиозным фанатизмом, – это та цифра, которая заставляет задуматься и, возможно, обеспокоиться. Рост этого показателя в перспективе, несомненно, приведет к нежелательным процессам в республике. Поэтому в данном случае необходима разработка серьезных мер психологической и социально-педагогической коррекции. Во-вторых, у абсолютного большинства студентов, участвовавших в исследовании, выявлена нормальная исламская идентичность. Однако работа требуется и здесь. Необходимо придать устойчивость этой тенденции, всевозможными мерами укреплять и способствовать развитию нормального, традиционного ислама. В-третьих, выявленная у абсолютного большинства респондентов нормальная религиозная идентичность стоит в процессе ранжирования Я-образов на первых позициях, разделяя в некоторых случаях эту позицию с этнической идентичностью. При этом данные виды идентичности вытесняют на задворки гражданскую идентичность – с нашей точки зрения, важный конструкт развития стабильности в республике.

Необходимо отметить, что гражданская идентичность должна рассматриваться в контексте преодоления стереотипов традиционного общества в пользу современной надэтнической картины мира, однако при безусловном уважении права личности следовать обычаям и традициям своего этноса и своей религии. Мы исходим из того, что любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить этнические и религиозные особенности и законы выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать данные особенности.

Действительно, коль скоро ислам остается одним из важнейших факторов бытия дагестанского общества, нет оснований ожидать ослабления его влияния на все стороны жизни. Какую бы стратегию в отношении ислама ни избирала власть – осознанно или вынужденно, – она не может игнорировать его. Да и нужно ли это? Ведь нормальная, недеформированная исламская идентичность не несёт в перспективе никаких угроз

обществу. Нормальная исламская идентичность личности, которая будет «мирно уживаться» с нормальной этнической и гражданской идентичностью, не вытесняя, а лишь дополняя друг друга, на наш взгляд, это та цель, которую следует поставить и целенаправленно достигать как научному сообществу, так и социальным институтам республики. Разумеется, при полной поддержке официальных властей.

Литература

1. *Гараджа В.И.* Проблема идентичности и потенциал толерантности в развивающейся России // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полиэтнического общества: в 2 ч. Ч. 2. – М., 2006.
2. *Дзуцев Х.В.* Пути преодоления этносоциальных конфликтов в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации. – М.: ИСПИ РАН, 2010.
3. *Капеллер А.* Субнационализм наций без государства // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: в 3 т. – М.: РОССПЭН, 2013.
4. *Кашаф Ш.Р.* Нацестроительство в современной России в рамках дискурса о гражданской, этнической и религиозной идентичности в мусульманских регионах // Государственное и муниципальное управление. – 2013. – № 4.
5. *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. – М., 2004.
6. Малашенко А. Ислам для России. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007.
7. *Назукина М.В.* Матрица идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2012.
8. *Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М.* Структура региональной идентичности населения Юга России: состояние и тенденции изменений (социологический анализ) // Сб. материалов Межд. научно-практич. конф. 15–17 июня 2009 г., г. Пятигорск. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2009.
9. *Сагитова Л.В.* Традиционное и новое в исламе: кейс Средняя Елюзань // Социологические исследования. – 2012. – № 2.
10. *Семедов С.А.* Ислам в политике: идеология и практика. – М.: Эконинформ, 2009.
11. *Усманова З.Р.* Место и роль гражданской идентичности в структуре самосознания жителей Северного Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – № 4.
12. *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. – М.: Весь мир, 2011.
13. *Черноус В.В.* Этноконфессиональная идентичность у народов на Северном Кавказе в современном научном дискурсе // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России – Северный Кавказ) // Сб. материалов Межд. научно-практич. конф. 15–17 июня 2009 г., г. Пятигорск. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2009.
14. *Яхьяев М.Я.* Место и роль ислама в социокультурной интеграции дагестанского общества // Исламоведение. – 2013. – № 3.
15. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. – London, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 1992.

Поступила в редакцию 19.06.2014 г.